

некоторых, так называемых любителей музыки, музыка Глинки, к сожалению, была еще задачею неразрешимую. Теперь сделалось понятным для всех высокое значение музыки Глинки и самые отъявленные ее противники должны были сознаться, что во всех современных операх, приводящих в восторг Европу, нет ни одного номера, который по оригинальности мелодии, по глубокому чувству и изяществу отделки мог бы равняться, на первый раз, хоть тому трио, которое мы слышали в концерте Дёлера и услышим в концерте Маурера. Жаль только, если из этого трио мы услышим только первую часть, т. е. *andante*; в таком виде для большей части слушателей это трио представляет нечто неоконченное, и невольно после него ожидаешь того прелестного, игривого *allegro*, которое недаром помещено композитором тотчас вслед за *andante*. Но будем благодарны и за то, что нам дают трио Глинки, даже в отрывке, превосходно исполненное итальянскими артистами. Трио Глинки есть одно из тех наслаждений, которые так редки в музыкальном мире. Довольно любопытно, что в то же время, когда мы здесь восхищаемся музыкою Глинки, исполненною итальянцами, на другом краю Европы — парижане приходят в восторг от отрывков из «Жизни за царя» и «Руслана и Людмилы», избранных знаменитым Берлиозом для исполнения в его огромных концертах². Итак, для Глинки настает уже потомство!

Достойно замечания, что музыка Глинки в Париже подала повод одному французскому журналу напасть на известного господина Кюстина³ в опровержение его толков о нашей подражательности; французский журналист указывает многоречивому и нелепому маркизу на музыку Глинки, как на произведение «вполне оригинальное и совершенно чуждое всякой иноземной примеси». Весьма любопытен этот наш музыкальный, гармонический ответ на нестройные крики наших порицателей и клеветников!..

Старый дилетант

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

РУССКИЙ КОНЦЕРТ В ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА ПОСЕЩЕНИЯ БЕДНЫХ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ

Русский концерт Общества посещения бедных был истинным музыкальным праздником для музыкантов и неожиданно показал, до какой высокой степени у нас достигла музыка, столь врожденная всему славянскому племени. Писсы для пения графа Виельгорского, Глинки, Даргомыжского, Львова сделались у нас народными⁴; эти произведения вольной, прихотливой фантазии имеют свой род достоинства, но в иерархии искусства должны уступить место произведениям более важным, требующим вдохновения более глубокого и многосторонних музыкальных сведений. Но мы бы не слышали никогда этих произведений в обыкновенных концертах. Для них требовался и отличный, многочисленный оркестр, который мог бы быть собран лишь Обществом, и должно было изучить их прилежно, добросовестно, по всем требованиям искусства, — на это у частного человека не достало бы ни средств, ни времени. Достаточно сказать, что приготовления к русскому концерту длились в течение пяти недель, и, как известно, один оркестр обошелся Обществу

что русская музыка не только может выдержать соперничество со всеми европейскими музыками, но часто и победить их.

Где в музыке последних годов вы найдете что-либо достойное стать наряду с «Арагонскою хотою», которую Глинка написал, вдохновенный испанскими напевами? как свежи эти напевы, какой жаркий колорит оттеняет их переливы, какая оригинальная, мастерская инструментовка!

Чудодей невольно переносит вас в теплую южную ночь, окружает вас всеми ее призраками, вы слышите бряцанье гитары, веселый стук кастаньетов, пред вашими глазами пляшет чернобровая красавица, и характерная мелодия то теряется в отдалении, то снова является во всем своем разгаре... но вот послышалось что-то знакомое; это простонародный напев, который вы тысячу раз слышали,— как заинтересовать им? как его, что говорится, и д е а л и з и р о в а т ь?

Русская плясовая песня, попросту «Камаринская», принадлежит к тем прихотливым, но глубоким созданиям гениального нашего музыканта, которые доступны только Берлиозу и Глинке, с тою разницею, что Берлиозу трудно было бы выдержать постоянно тот русский характер, который ни разу не изменяет себе, несмотря на всю роскошь инструментовки, на все художественные сопряжения мелодий, проникнутые глубоким знанием музыки. Но не столько поражает вас ее техническая отделка, сколько глубина ее содержания. В ней вполне отразился русский характер со всем его привольем, добродушием, беззаботностью, веселостью... сначала мотив слышится один, без всякой обстановки, как напекает его русский человек, беспечно потешая самого себя; мотив повторяется долго, долго, между тем, на душу певуна находят разные думы, разные ощущения, которые отражаются в этом мотиве; он делается то веселым, то заунывным, то буйным,— может быть, вспомнил весельчак о далекой красавице-ззнобушке, а затем вслед, про молодецкую схватку, а там про свое сиротство горемычное на чужбине; музыкант подметил эти мимолетные ощущения, как живописец подмечает мимолетное выражение лица, световой эффект, чтобы приковать их к полотну; они бы исчезли для нас, но художник спас их от забвения; они перед нами, всегда в нашей власти, всегда покорны нашему эстетическому требованию. «Камаринская» Глинки есть вместе и чудное музыкальное произведение, и картина, и глубокое психологическое наблюдение [...].

...Успех русских концертов есть залог успехов всей русской музыки, которая рано или поздно должна занять первое место в истории европейского искусства. Желали бы мы, чтобы над этою мыслию призадумались наши читатели.

Прохожий

В. В. СТАСОВ

ИЗВЕСТИЕ О КОНЧИНЕ М. И. ГЛИНКИ

(Письмо к редактору)

Прошу вас поместить в «Русском вестнике» известие, только что полученное нами, о смерти знаменитого нашего композитора М. И. Глинки, в Берлине, 3/15 февраля, в 5 часов утра. Мой брат и я, мы были очень коротки с Михаилом Ивановичем, мы вели с ним постоянную переписку и потому раньше всех получили это горестное известие. Мы получили